DOI: 10.17117/na.2016.05.02.332

<http://ucom.ru/doc/na.2016.05.02.332.pdf>

Поступила (Received): 31.05.2016

Захарова Т.И., Беляева Е.В. Ольвия: идиллический топос в структуре повести В. Астафьева «Обертон»

Zakharova T.I., Belyaeva E.V.
Olvia: idyllic topos in the structure of the novel
by V. Astafyev "Overtone"

В статье анализируются жанрово-композиционные особенности повести В.П. Астафьева «Обертон». Рассматривается специфическая роль идиллического топоса в воссоздании писателем картин послевоенной России, изображении трагедии человека на войне

Ключевые слова: топос, идиллия, пастораль, жанрово-композиционные компоненты

The article analyzes the genre and compositional features V.P. Astafyev's novel "The Overtone". There is considered the specific role of the idyllic topos in the reconstruction by writer the picture of postwar Russia, in the image of human tragedy in the war

Key words: topos, idyll, pastoral, genre and composite components

Захарова Татьяна Игоревна

Аспирант

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101

Zakharova Tatiana Igorevna

Graduate

Michurinsk state agrarian university

Michurinsk, Internatsionalnaya st., 101

Беляева Елена Викторовна

Студент

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101

Belyaeva Elena Victorovna

Student

Michurinsk state agrarian university

Michurinsk, Internatsionalnaya st., 101

Раннее и зрелое творчество В. Астафьева изучено более глубоко и многосторонне в отличие от его поздней прозы. Здесь основное внимание критики и литературоведения было отдано роману «Прокляты и убиты», но не получили полноценной трактовки его не менее значимые произведения 1990-х годов, в том числе повесть «Обертон» (1996).

Главная тема астафьевской прозы 90-х годов – военное и послевоенное лихолетье. Астафьев, прошедший войну, израненный телесно и душевно, много лет ждал, чтобы воссоздать всю свою правду о тяготах жизни этого времени. В. Астафьев пишет: «Грядет новое поколение людей, которое уже с дистанции лет, осмыслив самое грандиозное, самое кровавое событие двадцатого века, каким была война 1941 – 1945 годов, пользуясь накопленной памятью и архивами, а также опытом доподлинной документалистики, которой остается от нас очень

мало, и книгами тех авторов, что тщились честно сказать «свою правду» о войне, – их в русской литературе тоже совсем мало: десяток – полтора – создадут литературу, достойную страшного, мир сотрясшего и переворотившего события, каким была прошлая мировая война. Тешу себя надеждой, что и мои книги о войне пригодятся не зачумленным писателям в предстоящей им грандиозной работе, которую мы на исходе нашей жизни едва лишь начали. Если они, те потомки, не осмыслят и не осознают прошлого, у них не будет будущего. ...Ради того, чтобы упредить наших внуков и правнуков, не дать им себя обмануть и погубить, горбились мы все, литераторы военного поколения, в том числе и я, автор своей военной прозы. Она выстрадана мной не за столом, а всей моей жизнью и кровью, пролитой на войне» [1, с. 521].

Осмысление выстраданной писателем «своей правды» можно обнаружить в повести «Обертон». Повествование в ней ведется от имени Сергея Иннокентьевича Слесарева. Слесарев после тяжелейшего ранения в ногу долго скитается по госпиталям, весной победного года его сочли годным к нестроевой службе и направили на почтовый пункт в местечко Ольвия на Житомирщине. «Ольвия – благословенный райгородок, стоящий чуть поодаль от железной дороги и от всяких других важных и беспокойных магистралей» [2, с.17]. «Ольвия, совсем почти не тронутая войною, была тем райским местечком, где можно было отъедаться, стрельбы не бояться...» [Там же].

Ольвия – не просто фантазией автора созданное идиллическое пространство, это реально существовавшее «местечко». Если заглянуть в исторические источники, то можно найти его подробное описание: «Ольвия – античная греческая колония, основанная выходцами из Милета в первой четверти VI века до н. э. Во времена расцвета (вторая половина V века до н. э. – первая половина III века до н. э.) город занимал площадь около 50 гектар и представлял собой важный центр торговли и рыболовства, имел тесные экономические связи со скифами» [4, с. 48], «численность его населения предположительно достигала 15 тысяч человек» [3, с. 196].

Реальная историческая Ольвия, однако, располагалась на черноморском побережье. Почему Астафьев помещает «свою» Ольвию на Житомирщину? Этот вопрос можно сформулировать и иначе: почему затерянное в украинских просторах «местечко» названо писателем именем древнегреческого причерноморского полиса?

Можно предположить, что в сознании писателя в девяностые годы оживает иллюстрация из школьного учебника истории, вероятно, виденная им однажды. Эта иллюстрация «оживала» в сознании писателя в связи с теми картинами и эпизодами украинской жизни, которые довелось видеть ему сразу после войны. Здесь, в благословенном городке, почти не тронutom войной, в райском и изобильном «местечке», перенесённым волей писателя на знакомую ему по фронтовой и послевоенной одиссее Житомирщину, и происходят главные события.

Имевший оригинальный опыт в классических жанрах оды («Ода русскому огороду»), пасторали («Пастух и пастушка. Современная пастораль»), В. Астафьев и в 90-е годы продолжает свои жанровые искания. Для воссоздания картин

послевоенной России он обращается к жанру классической идиллии, используя в числе прочих такие элементы жанра как «описание мирных бытовых картин и пейзажей, безмятежной жизни земледельцев, пастухов и рыбаков с их простыми наивными характерами» [5, с.116].

Эти жанрово-композиционные компоненты могут быть охарактеризованы как особое – идиллическое – место действия (идиллический топос). Однако идиллический топос, равно как и пасторальные элементы (любовь на лоне природы) оказываются у В.Астафьева частью оппозиции жизнь/смерть, любовь/война. Эта оппозиция помогает писателю контрастно ярко изобразить трагедию человека на войне. Усиливает контраст ассоциирование идиллического места действия с родиной идиллии – античным миром. Этой же цели служит и знаковое именование идиллического топоса – Ольвия.

«Райскому местечку» могло подойти только то название, которое и в общественном сознании, и в представлениях писателя ассоциируется со счастливой, мирной, изобильной трудовой жизнью. Ольвия (в переводе с греческого – *счастливая, богатая*) на эту роль подходила как никакое другое название.

Из Ольвии Слесарев отправляется в совхоз «Победа». Совхоз «Победа» – обычное, по меркам того времени, хозяйство, восстанавливающееся после войны и разрухи. «Победа» – своеобразное продолжение Ольвии и её предел. Если в Ольвии квартируют и ждут отправки домой, полной женской воли, то в совхозе находят пристанище бывшие невольницы, которым и после освобождения не суждено стать счастливыми. Как древняя историческая Ольвия была окружена враждебными скифами, так Ольвия астафьевская окружена враждебными гармониями бандеровцами и ожесточившимися в войне с изменой энкаведешниками. Астафьев воссоздает картину первых дней послевоенного периода: разруха, страх, неизвестность, нехватка рабочей силы. Все это наблюдается в совхозе, находящемся под опекой семьи Барышниковых. Эти давние события в сознании Астафьева 90-х годов накладывались, вероятно, на сообщения о безнаказанно возрождающейся на Украине бандеровщине. По мысли писателя, от рук бандеровцев гибнет не только совхоз «Победа», но, самое главное, под угрозой гибели оказывается и вся Россия.

С особым трагизмом показывает Астафьев судьбу «фрицевских подстилок», советских женщин и подростков, угнанных в Германию. После возвращения оскорбленных и униженных девушек «из оттуда», их ждали новые унижения на контрольных пунктах. Якобы борясь с педикулёзом, невольницам кромсали волосы, раздевали для «дезинфекции» и унижительного осмотра. Отнимали ценные вещи, оставшиеся украшения растаптывали. Врачи и санитары бранили, пинали, гоняли, оскорбляли. Тем самым мстили за то, что те (по принуждению!) служили врагу и развлекали гитлеровских молодцов.

Гибнет совхоз «Победа» и его устроители, и в этом тоже можно усмотреть символику: раны, нанесенные душе человека, губительны и для него самого, смертельными они оказываются и для страны, в прах и огонь обращая плоды Победы. Астафьев 90-х годов обостренно трагически осмысляет русскую историю XX столетия.

Герои повести, пройдя страшные испытания войны, находят в себе душевные силы оставаться и умереть настоящими людьми со светлой памятью об Ольвии – стране и времени молодости и счастья. Этот идиллический топос оказывается необходимым структурным элементом повести о любви в пережившей трагедию войны стране.

Список используемых источников:

1. Астафьев В.П. *Веселый солдат: Повести*. Иркутск: Вектор, 1999. 528 с.
2. Астафьев В.П. *Обертон: Повести*. М.: ВАГРИУС, 1998. 541 с.
3. Блаватский В.Д. *Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья*. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1953. 208 с.
4. Гайдукевич В.Ф. *История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. Т. 1*. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. 445 с.
5. Квятковский А.П. *Поэтический словарь*. М.: Сов. энцикл., 1966. 376 с.

© 2016, Захарова Т.И., Беляева Е.В.
Ольвия: идиллический топос в
структуре повести В. Астафьева
«Обертон»

© 2016, Zakharova T.I., Belyaeva E.V.
*Olvia: idyllic topos in the structure of the
novel by V. Astafyev "Overtone"*